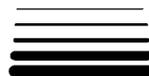

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Культура властвования

**ФИЛОСОФИЯ И ВЛАСТЬ.
ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА**

**80 лет Постановлению ЦК ВКП (б) о работе
журнала «Под знаменем марксизма» (от 25 января 1931 г.)**

П.В. АЛЕКСЕЕВ

Об этом постановлении сейчас историки советской философии стараются не вспоминать, хотя оно было поистине историческим. Оно официально положило начало процессу подавления научных исследований в сфере марксистской философии. До этого, особенно в предшествующее десятилетие, шло искоренение немарксистских философских направлений (вспомним хотя бы закрытие старых философских журналов или высылку из страны выдающихся философов Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, И.А. Ильина, Н.О. Лосского в 1922 г.). Постановление было странным – и не только потому, что оценка работы философов-марксистов предшествующего десятилетия противоречила оценке, которая содержалась в постановлении ЦК, принятом всего за полтора года до названного времени. Как «исторические» в Постановлении можно квалифицировать новую трактовку «партийности философии» и введение в оборот не только понятия «меньшевистствующий идеализм», но и понятия «партийность естествознания». По адресу философов-марксистов были выдвинуты обвинения в отрыве теории от практики социалистического строительства и в недостаточной оценке ленинского философского наследия. Постановление указывало, что журнал не сумел осуществить указаний В.И. Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма; работа журнала была оторвана от задач строительства социализма в СССР. Деборин, Карев, Стэн и другие фактически превратили журнал в свой групповой орган. Отрывая философию от политики, не придерживаясь во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал группа «воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала – разрыв между теорией и практикой,

скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма».

Детальное рассмотрение всех моментов этого Постановления, как и его следствий, не входит в мою задачу. Я остановлюсь лишь на стержневом его понятии – на «принципе партийности философии и естествознания». Обращает на себя внимание слишком уж смелое оперирование этим понятием, да еще и в соотношении с «ленинским этапом». Но не только у основателей марксизма, но и во всей домарксистской философии научное знание (естествознание) отграничивалось от субъектных интересов, к каковым относится, конечно, классовый (партийный) интерес. Даже Ленин, которого нельзя заподозрить в недооценке классовости, отмечал, разделяя в этом отношении философско-материалистическую традицию, что объективная истина есть такое содержание наших представлений, которое не зависит от субъекта (а им может быть не только индивид, но и класс, раса, нация), не зависит от человечества. Известно и сформулированное им положение о том, что все теории хороши, если соответствуют объективной действительности. Здесь нет ничего от того, что указывало бы на такой критерий истины, как соответствие теории или знания интересам класса или лидера партии. Из такого понимания объективной истины вытекало, что естествознание как ориентирующее на достижение объективного знания о природе, не зависит также (по своему внутреннему содержанию) от субъектных привнесений. Текст Постановления ЦК в данном плане находится в противоречии с приведенной трактовкой объективной истины и навязывает понимание, будто естествознание классово по своему существу. Такое понимание ведет к заключению, что имеются науки буржуазные и науки пролетарские.

Вслед за Постановлением ЦК, содержащим установки на внедрение «принципа партийности» в естествознание, появились многочисленные статьи и книги соответствующего толка. Так, в «Кратком философском словаре» Т. Ищенко, изданном в конце 1931 г., в статье «Партийность науки и философии» было сформулировано положение, что в классовом обществе наука и философия классовы, а борьба течений в науке и философии есть, по существу, борьба партий, защищающих и выражающих интересы и мировоззрение стоящих за их спиной классов. Вот почему, по мнению автора, обоснование принципа партийности философии и неуклонное проведение во всей своей деятельности этого принципа составляет один из центральных пунктов ленинской философии как высшего этапа в развитии марксизма. В другом издании – в книге Л. Звонова «Партийность философии» (1932) указывается, что классовая

борьба находит всегда политическое выражение в борьбе партий, а на фронте науки — в борьбе направлений. Мы уже сейчас можем заметить, что смысл понятия «партийность» здесь совмещен с понятием «классовость», что классовая (т. е. субъектная) обусловленность естественнонаучного знания (а социальная его обусловленность несомненна) оказывается редуцированной, подмененной классовостью его содержания и его коммуникативного аспекта (при оценке разных научных направлений). Все это — и Постановление ЦК, и многие последовавшие за ним выступления с соответствующими «разъяснениями», отвечали, конечно, задаче — определенным образом скорректировать, продемонстрировать новую позицию руководства партии в отношении самих философов-марксистов и ученых-естествоиспытателей и потребовать проведения этого понимания в жизнь.

Страна переживала трудности последствий Гражданской войны, разрухи, голода, напряжения сил по форсированию выполнения первой пятилетки, темпов коллективизации и индустриализации. В политической сфере был осуществлен разгром правого уклона группы Н.И. Бухарина. Оценка «теории равновесия» Бухарина послужила основой для упрека философов в отставании философской теории от практики колхозного строительства.

Надо заметить, что в первые годы после революции среди значительной части партии еще преобладала оценка Сталина не как теоретика марксизма, а как политика, практика. Считалось, что подлинным теоретиком и вождем партии был Ленин, а после его смерти — Троцкий и Бухарин. Историк советской философии С.Н. Корсаков отмечает, что когда к лидеру тогдашних философов А.М. Деборину в декабре 1929 г. обратились с предложением написать для «Правды» к юбилею Сталина статью о нем как о философе, тот отказался, заявив, что такую статью он мог бы написать о Ленине, у которого были философские работы, но Сталин — политик, а не философ. Другой философ Я.Э. Стэн, проводивший занятия со Сталиным по диалектике, считал его эмпириком.

1929 год был объявлен годом великого перелома, чему была посвящена статья Сталина «Год великого перелома». В тот год ему исполнилось 50 лет. С восхвалением его на страницах «Правды» выступили Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин и др., а среди публикаций в других газетах была статья в «Известиях» специалиста по трудам Маркса, Энгельса и Ленина, первого директора Института красной профессуры (далее — ИКП) В.В. Адоратского. Утверждался культ личности Сталина, подавляя всякое политическое, да и философское инакомыслие. К 1930 году становление всевластия Сталина, его единоличной диктатуры закончилось.

Для упрочения этой диктатуры мало было организационно уничтожить внутривластную оппозицию и официально провозгласить победу большевистской (сталинской) фракции. Недостаточным оказывалось и отождествление интересов Сталина с интересами всей партии, ее ЦК, всего рабочего класса. Нужно было восславить его как теоретика. Нужно было поддерживать идею об опасности скорого военного нападения на страну, а все политические просчеты руководства партии (по индустриализации и коллективизации) переложить на счет внутренних враждебных сил. Органы госбезопасности, руководимые В.Р. Менжинским, Г.Г. Ягодой, а затем Н.И. Ежовым (не без ведома Сталина) продолжали раскрывать контрреволюционное подполье и организовывали показательные процессы по вредительству: Шахтинское дело, дело Академии наук, дело Промпартии, дело Трудовой крестьянской партии. К 1930 году был создан ГУЛАГ. Сталин уверял партию в том, что по мере успехов в стране усиливается классовая борьба (выступление Сталина на пленуме МК ВКП (б) в 1929 г.).

Положение об усилении классовой борьбы служило одним из оснований для развертывания массовых репрессий в стране. Идея о классовой обусловленности философии была в то время само собой разумеющейся для философов-марксистов, в первую очередь для публикаций в журнале «Под знаменем марксизма» (далее — «ПЗМ»), она овладела также и частью специалистов-естественников. Вот, к примеру, оценка генетики профессором С.Н. Ковалевским в 1930 г.: «Теория гена приводит к признанию «творца» органического мира, то есть Бога. Она как нельзя больше соответствует современному направлению западно-европейской (буржуазной) науки, стремящейся согласовать науку с религией в противовес большевизму... Трудно понять, как марксизм может мириться с теорией гена... Неправильно генетику называть «дрозофильской наукой». Правильное ее название должно быть не наука, а «дрозофильская забава»... И если чистая наука признала эту забаву за науку, то это может только свидетельствовать об упадочном состоянии ее»¹. Иначе говоря, положение о классовости науки уже как бы «висело в воздухе» еще до Постановления ЦК 1931 г. Против этой установки в свое время решительно выступали В.И. Ленин, А.В. Луначарский и другие руководители партии, отмечая ее как пролеткультовскую. Но эта идея была реанимирована в новых условиях и включена в контекст Постановления 1931 г. (кстати, Пролеткульт как организация на тот момент еще существовала).

Важным событием, предшествовавшим решению ЦК 1931 г., был XVI съезд партии (лето 1930 г.), на котором затрагивались также вопросы, касающиеся политики партии в отношении «старых» специа-

листов и подготовки новых кадров. На этом съезде с организационным докладом выступил первый секретарь Московской партийной организации, занимавший высокий пост в ЦК партии, Л.М. Каганович. Он провозгласил положение, прозвучавшее как директива всему партаппарату и органам госбезопасности: лучшие элементы из специалистов (сюда включались и ученые-естествоиспытатели) следует «перевоспитать, привлечь на свою сторону, выгнать негодных и вредных, расстрелять, выслать на Соловки тех, кто занимается вредительством и срывает наше социалистическое строительство, и поставить взамен их наши пролетарские кадры»².

Установки этой речи, между прочим, очень напоминают нам утверждения Сталина, содержащиеся в его докладе на XVIII съезде партии в марте 1939 г. и касающиеся «старой» интеллигенции. В этой концепции Сталина «друзья» связывались с малоквалифицированной, а «враги» — с высококвалифицированной частью интеллигенции. Эта концепция, между прочим, не соответствовала реальности первых лет после Октября, и с этой точки зрения она неверна. Однако она проясняет нам отношение Сталина к интеллигенции, в том числе к научной, и его политику в отношении «старой» интеллигенции на всем протяжении его деятельности, в том числе и в начале 30-х годов. Еще в годы Гражданской войны Сталин отличался ненавистью и жестокими действиями по отношению к «старым» военным специалистам, привлекаемым в Красную армию. Теперь это качество приобрело значение общей политики партийного лидера. На XVI съезде Л.М. Каганович остановился в качестве примера на трудах А.Ф. Лосева. Он сказал: «В “Правде” была помещена рецензия о 7-и книгах философа-мракобеса Лосева. Но последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием «Диалектика мифа», разрешенная к печатанию Главлитом, является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага». Приведа несколько высказываний из этой книги, он указал, что полная публикация этой книги говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности. В заключение Каганович заявил, что «в стране пролетарской диктатуры на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры». Лосев был арестован в апреле 1930 г., затем — тюрьмы, в сентябре 1931 г. — приговор: 10 лет лагерей, работа на Беломоро-Балтийском канале, потеря зрения, здоровья³.

Таков один из многих результатов требования классовости философии и науки, зафиксированного XVI съездом, а затем и Постановлением ЦК от 1931 г.

Была еще одна причина для непомерного усиления представления о классовости философии и науки. Она связана, видимо,

со сменой поколений в философии к рубежу 1920-х годов. В первые годы после революции 1917 г. было чрезвычайно мало философов-марксистов (А.М. Деборин, Л.И. Аксельрод, А.В. Луначарский, Н.И. Бухарин, В.И. Невский, В.А. Ваганян, Н.Н. Бубнов, М.В. Серебряков, С.Ю. Семковский). Часть из них получила в свое время солидную философскую подготовку, а некоторые сочетали философские поиски с анализом проблем других наук (социологии, истории, юриспруденции и др.). Некоторые из философов занимали высокие должности по партийной и государственной линии, ведя активную педагогическую работу в вузах. К этой группе можно отнести также основательно знавших философию выпускников ИКП первой половины 1920-х годов — И.К. Луппола, Я.Э. Стэна, И.И. Агола и др. ИКП был создан в 1921 г. и призван был готовить марксистско-ленинские кадры ученых-обществоведов (в том числе по философии). Первоначально такая подготовка осуществлялась в духе уважения к профессионализму учителей, а выпускники ИКП ориентировались на естественное пополнение рядов своих коллег. Но со временем, примерно с середины 20-х годов, в сознание слушателей все настойчивее внедрялось представление об их избранности, исключительности, слушателям внушалось, что они «выходцы из трудового народа», «из пролетариев», что марксист противоположен «буржуазному специалисту» и что он должен всецело посвящать себя партии, идее всемирной пролетарской революции. Слушатели все более ориентировались не на научно-исследовательскую работу, а на занятие командных должностей. Возможно, такая оценка состава слушателей ИКП требует корректив. Однако доля истины в этом есть. Пример — Л.З. Мехлис. Он был привлечен Сталиным в качестве личного помощника в 1922 г., а затем стал первым помощником и заведующим бюро Секретариата ЦК. Мехлис был раболепно предан Сталину, ревностно исполняя все его поручения. Для получения «хорошего» образования он поступил в 1927 г. по решению Оргбюро ЦК в трехлетний ИКП. В автобиографии он писал: «До революции окончил шестиклассное еврейское училище и, кроме того, занимался самообразованием. При Советской власти в порядке совместительства, учился на экономическом отделении ФОНа, перешел условно на 3-й курс, но по условиям работы в ЦК ВКП был вынужден учебу бросить. Окончил курсы марксизма при Коммунистической академии»⁴. В мае 1930 г. он был назначен в редакцию газеты «Правда», сначала ответственным секретарем, затем — главным редактором, и проработал там 7 лет. В конце 20-х — начале 30-х годов как политик, организатор, помощник Сталина Мехлис сыграл большую роль в изменении курса философии. К началу 30-х годов только что закончили ИКП или готовились

его закончить специализирующиеся по философии М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, В.Н. Ральцевич, Ф.В. Константинов, М.Д. Каммари, З.Я. Белецкий, Б.А. Чагин, М.М. Розенталь, П.С. Черемных, А.П. Гагарин и др. Философская подготовка на ИПК того времени, что нужно отметить, не была сколько-нибудь основательной как из-за коротких сроков обучения и программы, так и из-за занятости ряда слушателей партийной работой (например, П.Ф. Юдин был секретарем партбюро Института, а М.Б. Митин входил в состав руководства партийки ИКП). Т.И. Ойзерман передает свой разговор с М.Б. Митиным. Последний рассказал, что он вместе с Юдиным учился у Деборина. Вскоре они пришли к выводу, что профессор слишком академично понимает свои обязанности. По какой-то, не иначе как старорежимной, привычке Деборин, например, настаивал, чтобы студенты детально штудировали, скажем, «Логику» Гегеля, причем так, чтобы знать содержание отдельных параграфов и формулировок. Митин не разъяснял, что это вообще было выше их умственных способностей, но охотно вспоминал, как их возмущало такое требование: вместо того, чтобы обсуждать злободневные философские проблемы, связанные с практикой социалистического строительства, они должны были тратить время на изучение каких-то абстрактных схем, явно отдающих схоластикой. Тогда они, сначала между собой, а потом и на партийных собраниях стали критиковать Деборина, причем главную роль играл Юдин как партийный вожак. Юдин, однако, не был человеком философски подготовленным. Впрочем, как отмечает Ойзерман, и Митин от него мало чем отличался, но был побойчее и понахальнее и впоследствии выдвинулся на первые роли. В основу своей критики они положили обвинение в формализме. То ли в силу профессиональной малограмотности, то ли уловив растущее недоверие к старым специалистам, отмечает далее Ойзерман, они все настойчивее стремились перевести дискуссию в иную, им более понятную и по тем временам выигрышную политическую плоскость, где философская эрудиция, знание классиков, апелляция к текстам существенной роли уже не играли⁵. Поверхностным оказывалось знание не только Гегеля, но и работ Канта, Шеллинга, Фихте, всей зарубежной философии. Более или менее полно осваивались философские работы Энгельса и Ленина. Естественно, что изложение преподавателями сложных проблем Гегеля или Канта (а они представляли буржуазную философию) расценивалось нередко как схоластика, формализм, оторванные от задач социалистического строительства (а «схоластика» подразумевала скрытое вредительство). Немалое число слушателей ИКП претендовало на высокое положение в партии и обществе. Это стремление к получению «места под солнцем» совпало с интересами

Сталина и Кагановича к замене «устаревших» лидеров философии новыми, молодыми философами, более податливыми и услужливыми по отношению к политической власти.

7 июня 1930 года в газете «Правда» появляется «статья трех» (Митина, Ральцевича и Юдина) «О новых задачах марксистско-ленинской философии» (заметим, что к тому времени главным редактором «Правды» был их сокурсник по ИКП Мехлис). В ней одним из главных вопросов был вопрос о партийности философии. В статье указывалось, что философы теперь, в новых условиях, должны по-новому понимать партийность. «В наших условиях, — писали авторы, — откровенно враждебные марксизму теории не всегда смеют открыто поднять голову». Партийность означает острую борьбу «со всякими завуалированными, прикрытыми марксистско-ленинской внешностью враждебными течениями». Она означает «борьбу против всяких школ и школок внутри марксизма». Это борьба «нашего теоретического оружия, борьба со всякими ошибками, которые в условиях «диктатуры марксизма» особенно опасны». «Нет и не может быть ныне партийности философии, если эта философия не идет нога в ногу с партией в ее борьбе за подлинную большевистскую партийность».

Некоторые историки свидетельствуют, что после этой статьи Митин и Юдин направили Сталину письмо (фактически это был донос). В письме обращалось внимание на то, что в Комакадемии вместо того, что бы изучать марксизм, изучают Гегеля. Сталин это письмо прочел, пригласил авторов и сказал, что они правильно подвергли критике Деборина, только недостаточно, потому что тут имеет место не просто формализм, а гораздо более вредное явление — меньшевистствующий идеализм.

18 октября 1930 года в «Правде» была опубликована статья Юдина, в которой указывалось: «Одним из важнейших моментов, свидетельствующих о непонимании нашими философскими “маэстро” партийности философии, является непонимание ими роли партии, ее ЦК не только как практического, но и теоретического центра. Они не понимают того, что партийная политика, решения съездов и ЦК партии есть подлинно ленинская диалектика, истинно диалектический синтез революционной теории и революционной практики». Философов призывали не к углублению самостоятельной научной разработки проблем философии, а к слепому следованию за директивами ЦК (т.е. «генеральной» линии большевистской партии и ЦК, возглавляемого Сталиным); критерием истины предписывалось считать соответствие философских разработок текущим директивам ЦК.

По существу, такое понимание партийности философии и заключало в себе Постановление ЦК. 20 октября 1930 года Митин

подчеркнул, что «проблема партийности философии, партийности науки выдвигается на первый план всем ходом вещей»⁶.

Но вернемся к тексту рассматриваемого Постановления. В его втором пункте предписывалось вместо прежнего состава редакции «ПЗМ» «утвердить редколлегию в следующем составе: Покровский М.Н., Адоратский В.В., Митин М.Б., Кольман Э., Юдин П.Ф., Максимов А.А., Деборин А.М., Тимирязев А.К.». Последствия Постановления были тяжелыми для философии. Произошла, прежде всего, полная смена руководства на важнейших постах в редакции журналов «ПЗМ», «Естествознание и марксизм» (здесь О.Ю. Шмидт был заменен Э. Кольманом), в дирекции Института философии (директор — Адоратский, но, как отмечают историки, он выполнял представительские функции, реально же институтом руководил зам. директора Митин), в Институте Маркса — Энгельса — Ленина (зав. отделом философии — Юдин), в ИКП философии и естествознания (директор — Юдин). С 1937 по 1947 год в качестве директора ОГИЗа Юдин руководил издательским делом в стране.

Деборинское направление в советской философии (в целом авторитарное с либеральной окраской) перестало существовать. Утвердилось направление, которое можно назвать милитаристско-тоталитарным: «милитаристским» — по явному злоупотреблению воинственными терминами и по открытым призывам (с указанием на личности философов) к расправам.

Если раньше партийность в философии понималась, прежде всего, как внутрифилософское размежевание по решению главных проблем и только, может быть, косвенно соотносимое с двумя основными социально-политическими ориентациями, то теперь партийность стала трактоваться как классовость, как апологетика текущей политики вождя, его директив, требующая безоговорочного проведения в философии «большевистской», точнее, сталинистской линии. Заявлялось, что философия требует к себе подхода как к одной из форм политики.

В статье Митина, Ральцевича, Юдина, Егоршина и Веснара, опубликованной в журнале «Большевик», говорилось о проблеме соотношения политики и философии: суть ленинского понимания партийности состоит в том, что философия рассматривается как одна из форм политики, что философия марксизма есть частный момент политики. На такую трактовку проблемы соотношения философии и политики Я.Э. Стэн ответил следующим образом: *«Можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию, как частную форму политики (курс. мой. — П.А.). Политика это своеобразная надстройка, это форма... классовой борьбы... Теоретическая борьба имеет политический смысл, потому что она*

связана с классовыми задачами пролетариата, но теоретическая борьба вовсе не сводится к политической борьбе и не исчерпывается ею». «Сама научная, марксистская политика ведется на основах диалектического материализма»⁷.

«Схоластика», или «формализм» сторонников Деборина связывались с понятиями «вредительство», «враг». «Отвлечение от практики социалистического строительства научной мысли в дебри схоластической абстракции, — заявлял Константинов, — это тактика врага»⁸. Между прочим, для тех, кто умел раскрывать «вредительство» и «скрытых врагов», ждали поощрения. В 1934 году решением Аттестационной комиссии при Президиуме Комакадемии Митину была присуждена ученая степень доктора философских наук без защиты диссертации. Та же самая «участь» постигла и Юдина.

Как это могло произойти? Не мне судить об этом. Да это и не столь уж важно. Приведу одно любопытное свидетельство. На одной из встреч Митина и Юдина с вождем тот сказал: «Нам нужны наши советские академики. Мы тут посоветовались, надеюсь, вы не возражаете?» «Это слишком большая честь для меня», — поскромничал Юдин. «Хорошо, Вы, Митин, будете академиком, а Вы, Юдин, членом-корреспондентом»⁹. Несколько позже и Юдин стал «полным» академиком.

На философов деборинского направления, как и на многих других философов (например, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина, Я.Э. Голосовкера) обрушились тяжкие обвинения, часто совершенно необоснованные (например, обвинения Деборина в «идеализме», между прочим, так и остались в научно-теоретическом плане недоказанными).

Так ли уж были безобидны обвинения в идеализме или механицизме? Нет. Все это имело серьезные последствия. За обвинениями в философских уклонах следовали сугубо политические. К «механицистам» приклеивали ярлык «правый уклон» («бухаринщина»), а к представителям «меньшевистствующего идеализма» — ярлык «троцкист» или даже «фашист». Приведу факт. «Карев, один из непосредственных организаторов убийства Сергея Мироновича Кирова, Стэн, один из руководителей подлейшей двурушнической террористической группировки Шацкого — Ломинадзе — Стэна, не менее десятка других активных участников троцкистско-зиновьевской шайки — вот кем оказались руководители и “кадры” меньшевистствующего идеализма»¹⁰. Как же можно было после таких публичных обвинений оставлять в живых «врагов народа»? Маховик тоталитаризма перемалывал десятки и сотни специалистов по философии на протяжении более чем двух десятилетий, специалистов — как преданных авторитарному режиму, так и в чем-то имевших иной взгляд на философию и на текущую

политику. Среди репрессированных (большая их часть расстреляна в 30-е гг.): П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, Н.А. Гредескул, Н.И. Бухарин, Н.А. Карев, Я.Э. Стэн, Г.К. Баммель, В.И. Невский, И.Я. Вайнштейн, В.Н. Ральцевич, И.И. Агол, Х.И. Гарбер, Б.М. Гессен, Г.Д. Дмитриев, П.Л. Кучеров, М.Л. Левин, С.Г. Левит, Я.С. Розанов, А.И. Рубин, Д.Б. Рязанов, П.Ф. Сапожников, С.Ю. Семковский, В.К. Сережников, В.Н. Слепков, А.К. Столяров, Ф.Е. Тележников, Г.С. Тымянский, Я.М. Урановский, М.М. Фурщик, В.А. Юринец и др. В 40-е годы репрессированы были Л.П. Карсавин, И.К. Луппол, К.М. Мегрелидзе, Д.Л. Андреев и др. Среди подвергшихся репрессиям – как философы с мировым именем, так и молодые специалисты, проявившие себя в оригинальных публикациях. Боль и гнев пронизывают слова С.Н. Булгакова, сказанные в связи с расстрелом философа, богослова и ученого-натуралиста П.А. Флоренского: «Смерть Флоренского Павла Александровича исполняет душу потрясающей скорбью, как одно из самых мрачных событий русской трагедии... Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший, и величайшим является преступление поднявших на него руку».

К скорбному мартирологу расстрелянных и погибших в лагерях и тюрьмах можно добавить еще неучтенные потери от инсультов, инфарктов и других (в том числе психических) болезней. Это ли не почти поголовное истребление цвета философского сообщества? В жизнь философов вошли неизвестные горе, страх, обиды, унижение и тревога. Страх действовал угнетающе на психику людей, вызывая депрессию, сковывая творческие силы.

Урон философии от репрессий – как следствие ее прямого привязывания к воле диктатора – не поддается сколько-нибудь точному учету. И все же для общего представления не мешало бы иметь хоть какие-то данные. Возьмем такое крупнейшее для того времени государственное учреждение, где были сосредоточены основные силы специалистов по марксистской философии, как Комакадемия. На конец 20-х – начало 30-х годов в ней было 298 научных работников (кроме ленинградского отделения); из них специалистов по философии – 18¹¹. При слиянии Философской секции Комакадемии с Институтом научной философии РАНИОН'а в образовавшийся Институт философии Москвы в качестве действительных членов (1 апреля 1930 г.) было избрано Президиумом Комакадемии 33 философа (позднее эта цифра варьировалась). К этой цифре нужно добавить небольшое число членов-корреспондентов и научных сотрудников. Если принять во внимание другие учреждения и вузы России, где работали специалисты по философии, то, наверное, мы можем увеличить общее число специалистов в несколько раз.

И все равно... Вот свидетельства одного из ведущих руководителей Комакадемии Шмидта. В 1930 году он с горечью говорил, что спрос на философов, особенно подготовленных в естествознании «не удовлетворен и в ничтожной степени». «Философы... принадлежат к наиболее редким разновидностям на рынке интеллектуального труда»¹². Мне неизвестны цифры такого рода на середину 30-х годов. Но и приведенных, по-видимому, достаточно, чтобы почувствовать масштаб беды, постигшей тогда философию. На фоне такого мизерного количества философов потери философского сообщества поистине колоссальны. В 30-х годах только по Институту философии насчитывалось более 90 репрессированных, в большинстве своем расстрелянных или погибших в тюрьмах и лагерях¹³.

Вслед за физическим устранением значительной части специалистов-философов из научного сообщества стало уменьшаться и число тех центров, в которых могли работать оставшиеся в живых философы. Были закрыты почти все центры по подготовке философских кадров и центры научной работы в области философии. На заседании дирекции Института философии Комакадемии 23 июня 1933 г. Митин уже констатировал: «После ликвидации ИКПЕ и Ассоциации естествознания при Комакадемии, после закрытия журнала «За марксистско-ленинское естествознание» – сейчас по существу нигде нет непосредственного руководящего центра или такой организации, которая занималась бы вплотную этими вопросами и, в первую очередь, вопросами теоретического естествознания»¹⁴. Резко снизился теоретический уровень философских публикаций. Новые «лидеры философского фронта» полагали, видимо, что философские труды не могут ни в чем превосходить уровень их выступлений (а они, как мы знаем, ограничивались лишь комментариями классиков марксизма и постановкой задач) и уровень сталинской работы «О диалектическом и историческом материализме» (1938). На книжных полках возобладали серые и бесцветные «труды».

В 1937 году в журнале «Большевик» была опубликована в статье Е. Ситковского с анализом работы редколлегии «ПЗМ». Вывод: журнал «не выполняет самых элементарных требований, которые к нему предъявляются. Ведение журнала неудовлетворительное». Автор статьи – философ, позже был репрессирован. Его оценка содержания журнала за 1936 год фактически была и его оценкой работы новой редколлегии за весь новый период существования журнала. Такой уровень философии был отнюдь не на пользу авторитету всей марксистской философии. Подобный же результат принесли выступления Митина и Юдина на дискуссиях по генетике 1939 г. в «ПЗМ» и выступления Митина и Белецкого на сессии ВАСХНИЛ¹⁵. Все они выступали с апологетикой Лысенко и громили

так называемую буржуазную генетику. Их невежество и антинаучность (а они выступали от имени философии диалектического материализма) расценивались тогда, да и много лет спустя, как враждебность философии прогрессу биологии. Отсюда и негативизм части ученых по отношению к философии, сохранившийся, к сожалению, до сих пор.

К негативным последствиям сталинизации философии следует отнести и такие явления, как возникшая из опасения быть обвиненным и «приговоренным» эмиграция имевших философское образование в другие области знания, например, в область филологии, а в рамках философии — в более или менее политически нейтральную историю философии.

Если учесть все это, станет яснее картина беды, какую испытала на себе философия в результате поворота к полному служению диктатору группы философов, выдвинутых властью в лидеры. Положение усугублялось еще и тем, что в то время возникло и приняло огромный размах упрощенчество и вульгаризаторство как в среде самих оставшихся философов, так и особенно среди ученых-представителей других областей знания. Примером может служить множество выступлений типа: «За чистоту марксистско-ленинского учения в хирургии», «Материалистическая диалектика и рыбное хозяйство». Все это только дискредитировало диалектико-материалистическую философию как философию.

И еще одно немаловажное явление: власть напрямую препятствовала опубликованию уже подготовленных оригинальных философских трудов. Факт, что А. Ф. Лосеву после освобождения из мест заключения было запрещено печатать результаты своих исследований в течение более 20 лет, и он вынужден был «работать в стол». Факт, что переживший арест и ссылку тяжело больной М.М. Бахтин был практически выключен из научной работы своего времени и обречен так же на «работу в стол» на протяжении более 30 лет. Монография ученика Гуссерля К.Р. Мегрелидзе «Основные проблемы социологии мышления», впервые набранная в 1936 г., набиралась и даже подписывалась к печати еще несколько раз (в 1937, 1938 и в 40-х годах), но по независящим от автора обстоятельствам увидела свет лишь после его гибели, в 1965 г. Все написанное до ареста Д.Л. Андреевым (автором труда «Роза мира») было уничтожено.

Таким образом, мы видим: насильственное внедрение «принципа партийности» в философию, особенно начиная с декабря 1929 г. и продолжавшееся фактически примерно до начала 60-х годов, привело к подрыву всего основания философии в стране (если не сказать — к уничтожению). Философия марксизма становилась политизированной до предела квазифилософией. Были перекрыты все

связи марксистской философии с мировой философской мыслью. На экзистенциальную, аналитическую и иную немарксистскую философию был наложен запрет как на «вражескую», «буржуазную». Уцелевшие от геноцида 30-х годов небольшие островки философов боролись за выживание в условиях изоляции от мировой философии. Фактическое запрещение инакомыслия вело к ликвидации подлинных дискуссий, обмена мнениями в философии и все более напоминало застойное состояние, болото.

Имеются свидетельства крупных деятелей культуры того времени о том, что и на писателей (да и не только на них) оказывалось прямое политическое давление. «Наверху» полагали, видимо, что художественная литература — часть идеологии и что писатель в своих произведениях должен придерживаться принципа партийности; литература — якобы одна из сфер идеологии, а писатель — только служащий по ведомству идеологии; он должен проводить, правда, в специфической форме, политическую линию партии и получать за это плату как на службе (вспомним ответ Стэна относительно трактовки «философии как частной формы политики»), служащим же требовалось идеологическое руководство партии. Линия на «партийность» вызывала порой негативную реакцию со стороны известных деятелей культуры. Так, готовясь к Первому съезду советских писателей в 1934 г., М. Горький написал Сталину письмо, касающееся идеологических кураторов художественной литературы: «Юдин и Мехлис, — писал он, — люди одной линии. Группа эта — имея “волю к власти” и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы... Мое отношение к Юдину принимает характер все более отрицательный. Мне противна его мужицкая хитрость, беспринципность, его двоедушие и трусость»¹⁶. На это письмо Сталин не ответил.

Складывавшийся во второй половине 20-х годов режим единоличной диктатуры был сопряжен не только с возвеличиванием Сталина, но и с таким позорным явлением, как доноительство. Оно все больше и больше внедрялось в практику партийных и государственных органов, в практику философской жизни. Как свидетельствуют историки, Сталин «имел собственную, не зависимую от НКВД, сеть секретных осведомителей... В 1920-е годы двое из личных секретарей-помощников Сталина, Григорий Каннер и Лев Мехлис, были главными организаторами этой осведомительской сети. Каннер был расстрелян в 1937 году. Очевидно, он слишком много

знал. Мехлис оставался доверенным Сталину человеком до своей смерти в феврале 1953 г.»¹⁷. «Мехлис... учился с Ежовым, Юдиным и др. в Коммунистической академии, где он на какое-то время стал бухаринцем, а потом донес на своих преподавателей за их «правый уклон»»¹⁸. Как отмечает доктор исторических наук О.В. Хлевнюк, 21 октября 1930 г. редактор «Правды» Мехлис инспирировал донос секретаря партийной ячейки литературного отделения ИКП Б.Г. Резникова Сталину по поводу подготавливаемого его смещения с поста генсека членами ЦК С.И. Сырцовым и В.В. Ломинадзе (за этим последовало «дело Сырцова – Ломинадзе») ¹⁹.

Не без участия Мехлиса была организована «статья трех» в «Правде», а также встреча Сталина с руководством партиячейки ИКП. Возможно, подтвердится и версия о причастности Мехлиса (наряду с М.Н. Покровским и А.И. Стецким) к написанию Постановления ЦК 1931 г. Известно, что Мехлис как личный помощник Сталина, наделенный титулом «ассистента генсека ЦК», привлекался к подготовке ряда решений ЦК. Доносы разного рода не были единственной «заслугой» Мехлиса. Он был безгранично предан Сталину и боготворил его, а себя, видимо, считал «alter ego» вождя²⁰. В воспоминаниях Б. Бажанова отмечается, что помощник Сталина Мехлис сделал все нужное, чтобы Сталин стал «великим и гениальным». Под его руководством была написана редакционная статья в «Правде» к 50-летию вождя, в которой тот прославлялся как гениальный теоретик марксизма-ленинизма. Множество передовиц «Правды» 30-х годов написаны действительно неутомимым Мехлисом. Он один из первых приложил руку к формированию культа личности Сталина с самого начала 30-х годов. По словам М.Н. Рютина, он превратил «Правду» в личный, непосредственный «рупор вождя». Он задавал тон всей развернувшейся в политической и художественной литературе кампании по славословию «отца народов». Охватила она и публикации лидеров сталинизированной уже философии. Эта деятельность Мехлиса была по достоинству отмечена: в ноябре бюро президиума Комакадемии присудило ему степень доктора экономических наук без защиты диссертации. В 1937 году он был назначен Политбюро заведующим отделом печати и издательств ЦК по совместительству (позднее он занимал более высокие посты).

Приведем один из отрывков статьи Митина в журнале «ПЗМ» за 1933 год, озаглавленной «Сталин и материалистическая диалектика»²¹. В этой статье указывалось, что Сталин – «великий вождь», «могучий ум», выдающийся «теоретический гений» в области философии. «Товарищ Сталин является крупнейшим воинствующим материалистом-диалектиком нашей эпохи, двигающим

вперед материалистическую диалектику во всех направлениях... Работы товарища Сталина являются примером применения марксистского метода к анализу крайне сложной действительности, борьбы классов и вместе с тем примером дальнейшего теоретического развития марксистской диалектики»²², «нет ни одного вопроса марксистского метода, который не получил бы своего дальнейшего развития у товарища Сталина»²³. А вот признание Митиным главной цели своих публикаций после 1930 г. и посвященных критике «меньшевистствующего идеализма и механицизма»: «...все работы того сборника (имеются в виду работы, собранные в сб. 1936 г. — П.А.) проникнуты одним стремлением, одной мыслью, одним желанием: как можно лучше осмыслить и воплотить в жизнь указания... товарища Сталина по философским вопросам. И в критической части, и в части положительного рассмотрения актуальных проблем марксистской философии я руководствовался одной идеей: как лучше понять каждое слово и каждую мысль нашего любимого и мудрого учителя товарища Сталина и как их претворить и применить к решению философских вопросов. И если хоть в какой-нибудь мере мне это удалось, я буду считать свою задачу выполненной»²⁴.

Вот вам и финал борьбы за «объективность», вернее — за «классовость». «Партийность философии» обернулась беспардонным угодничеством и раболепием. Философы — новые лидеры советской философии — стали продавать философию политике, услужливо отдаваясь воле диктатора. Все это можно было бы не вспоминать, если бы за всем этим не следовали расправы над философами и подавление самой философской мысли в стране. Я не ставлю себе задачей определить степень ответственности новых «лидеров философского фронта» за разворачивавшиеся в те годы репрессии философов. Но какая-то их доля причастности к этому все же есть. Надо сказать, что не Постановление ЦК от 1931 г. было причиной репрессий тех лет, а политика Сталина и его ближайшего окружения — Кагановича, Мехлиса, Молотова, Калинина, Менжинского, Ягоды, Ежова и др. Культ личности подминал под себя и партию, и органы госбезопасности, и всю идеологию.

В заключительной части статьи остановлюсь еще раз на понятии «партийность философии», занимавшем центральное место в Постановлении ЦК 1931 г. Понятие «классы» как общественные классы (от этого понятия и термин «классовость») сформировалось еще у французских историков эпохи Реставрации. Оно широко употреблялось в марксистской идеологии. Главным признаком класса Ленин считал отношение к средствам производства. «Классовость», или «партийность» в 20-х и особенно в 30-х годах пони-

малось как приверженность к политической линии пролетариата, как защита политической линии партии. Этот термин редуцировал свое содержание, и под ним все чаще понималась защита (апологетика) политических интересов диктатора, т. е. Сталина или (до 1930 годов) сталинистской большевистской фракции. Вопрос о соотношении такой кастовой партийности с научностью оказывался неудобным, и научность подверстывалась под интересы субъекта. В последующем в СССР по мере развенчания культа личности, а более зримо — с 60 — 70-х годов, стало утверждаться иное представление о партийности философии как складывающейся из трех неразрывных сторон: социальной определенности позиции субъекта, гносеологической ее направленности, научности и гуманности. Если называть первых открытых сторонников такого понимания партийности и мужественных ее проводников в жизнь, то следует указать на Б.М. Кедрова, П.В. Копнина, И.Т. Фролова, Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, С.Т. Мелюхина. В их философских трудах и организационно-научной деятельности воедино были сплавлены все эти стороны партийности. Не может быть подлинной партийности без научности и гуманности; прогрессивная партийность базируется на научности, а подлинная научность (и только она) ведет к гуманности и социальному прогрессу. Необходимо разграничивать партийность как классовость (как только политологическое понятие и принцип) и партийность как мировоззренческое понятие, не сводимое лишь к одной его ипостаси.

Работая над энциклопедическим словарем «Философы России...» (2002 — 2009), я с глубоким удовлетворением и гордостью убеждался, что, несмотря на все сложности исторических условий, российские философы в значительной своей части остались верны принципам научности и гуманизма. Труды философов последнего 50-летия и, особенно, настоящего времени отличаются многообразием направлений, глубиной и свободой исследовательской мысли, верностью социальному и культурному прогрессу. Российская философия все более органично вплетается в мировую философию.

Дж. Сантаяна заметил: «Народ, забывший свою историю, вынужден будет переживать ее вновь». Горький урок истории нужно помнить не только нам; он важен и для других стран. Хотелось бы, чтобы моя статья послужила воспоминанием-предостережением о том, как опасна политическая диктатура и подмена понятий в науке и практике формирующегося демократического государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генетика и коннозаводство // Коневодство и коннозаводство. 1930. № 1. – С. 5, 13.

² XVI Всесоюзный съезд партии. Стенографический отчет. – М.; Л., 1930. – С. 78.

³ О причинах ареста А.Ф. Лосева см.: Тахо-Годи А.А. Философ хочет все понимать. «Диалектика мифа» и дополнение к ней // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001.

⁴ Рубцов Ю. Alter ego Сталина. – М.: Звонница-МГ, 1999. – С. 52.

⁵ Как это было: воспоминания и размышления / под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 120 – 121.

⁶ Выступление на дискуссии в октябре 1930 г. // Разногласия на философском фронте. – М.; Л.: СОЦЭЖГИЗ, 1931. – С. 46.

⁷ Там же. – С. 125, 124.

⁸ Под знаменем марксизма. 1936. № 10. – С. 64 – 65.

⁹ Волков Г. Самостояние человека. Залог величия его // Правда. 1999. 5 декабря.

¹⁰ Митин М. Боевые вопросы материалистической диалектики. – М.: Партиздат, 1936. – С. VI.

¹¹ Вестник Коммунистической академии. 1930. № 37 – 38. – С. 28.

¹² Там же. – С. 23.

¹³ См.: Наш философский дом. К 80-летию Института философии / предс. редколлегии А.А. Гусейнов. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 508 – 520.

¹⁴ Архив РАН. Ф. 355. Оп. 5. Ед. хр. 22. Л. 20.

¹⁵ См. также: Митин М. За материалистическую биологическую науку. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

¹⁶ Два письма Сталину // Литературная газета. 1993. 10 марта.

¹⁷ Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. – М.: Время, 2007. – С. 624, 626.

¹⁸ Рейфилд Д. Сталин и его подручные. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 424.

¹⁹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 57 – 72.

²⁰ См.: Рубцов Ю. Alter ego Сталина.

²¹ Переиздано в сб.: Митин М. Боевые вопросы материалистической диалектики.

²² Там же. – С. 386.

²³ Там же. – С. 419 – 420.

²⁴ Там же. – С. VIII.

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения политической власти и философии в 30-е гг. прошлого века – в период завершения формирования дик-

таторского режима Сталина. Показывается, что в высших органах власти произошла редукция мировоззренческой категории партийности (с рядом ее аспектов) к одной из ее сторон – политической. В стране развернулись репрессии против философов – тех, кто не считал, что философия – часть политики. Приводятся данные о большом количестве человеческих жертв и огромном ущербе для философской науки, связанном с «новым подходом» к философии. Обосновывается необходимость разграничения партийности как политологического принципа и категории партийности как мировоззренческой ориентации субъекта.

Ключевые слова: партия, философия, диктатура, репрессии, классовость, партийность, объективность, научность.

Summary

In the paper interrelation of political authorities and philosophy in 1930-th (in the period of shaping of Stalin's dictatorship) is examined. It is argued that reduction of world-outlook category «Party-character» to its political aspect was done by political authorities. The philosophers disagreed that philosophy was a part of politics became victims of the repressions. The paper presents data concerning a number of the victims and harm to philosophical studies. The author argues that it's necessary to differentiate Party-character as principle of political studies and category of Party-character as world-outlook attitude of a subject.

Keywords: party, philosophy, dictatorship, repressions, class-approach, Party-character, objectiveness, scientific character.